

Кризис НАТО и геополитическая тревога Турции

Комментарий Центра АРВАК, 26.01.2026

Аннотация

Комментарий АРВАК анализирует системный кризис НАТО через призму внешнеполитических интересов Турции. Рассматриваются исторические этапы трансформации альянса от сдерживающего фактора в период «Холодной войны» до инструмента однополярного мира, а также современные противоречия внутри блока. Особое внимание уделяется стратегическим рискам Анкары в случае распада НАТО и ее усилиям по формированию альтернативных региональных союзов (в частности, с Пакистаном и Саудовской Аравией) с целью обеспечения национальной безопасности и сохранения ядерного щита.

Ключевые слова: НАТО, Турция, внешняя политика, системный кризис, ядерный зонтик, Гренландия, региональные альянсы, Пакистан, Саудовская Аравия, ВПК.

1. Кризис НАТО и геополитическая тревога Турции

Турецкие массмедиа транслируют растущую тревогу военно-политического истеблишмента страны в связи с будущим НАТО. Североатлантический альянс, в котором Турция занимала ключевую позицию в силу своего геополитического расположения и военного потенциала, переживает беспрецедентный кризис, способный привести к распаду данного военно-политического союза.

2. Истоки системного кризиса: от «жандарма» к стагнации

Внутрисистемные проблемы НАТО уходят корнями в 1990-е гг., когда после распада СССР Североатлантический альянс из института сдерживания «глобальной коммунистической угрозы» фактически превратился в «жандарма» однополярного мира. Немотивированное реальными вызовами безопасности США и их европейских союзников расширение НАТО на восток спровоцировало постсоветскую Россию к изменению вектора интеграции с западным миром и новой мобилизации потенциала сдерживания с акцентом на критически важные компоненты ядерной защиты.

Непосредственный выход альянса к российским границам реанимировал экзистенциальную угрозу ядерной эскалации, что не могло не вызывать раздражения у отдельных членов организации. Одновременно наметились первые признаки дисбаланса внутри блока: часть стран (прежде всего принятые в состав организации после распада СССР) начала политику активной милитаризации, тогда как многие «государства-ветераны» столкнулись с процессами стагнации комплекса ВПК и армейского строительства вследствие утраты приоритета финансирования оборонных нужд.

Кроме того, систему НАТО «взрыхлили» перманентные масштабные военные операции наиболее влиятельных членов альянса, пренебрегающих консенсусом со всеми союзниками относительно использования оборонного потенциала организации вне зоны ее стратегических интересов и приоритетов, закрепленных в уставе. В результате были развязаны интервенционные войны в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии, что существенно углубило кризис взаимопонимания внутри блока.

3. Девальвация смыслов и прагматизм США

Девальвация идеологических основ данного военно-политического союза вследствие ухода с глобальной арены Организации Варшавского договора (ОВД) как

основной антагонистической силы привела к дезориентации приоритетов НАТО и утрате смыслов его дальнейшего существования, по крайней мере в прежних форматах. Проекция призрака коммунистической угрозы на истощенную и объективно ослабленную Россию не сработала, поставив под сомнение первичный смысл существования Североатлантического альянса и солидарность его членов по глобальной повестке безопасности.

В итоге НАТО формально сохранился и даже был расширен в целях управления его членами, устрашения неугодных международных субъектов, обеспечения обширного рынка сбыта продукции ВПК и аккумуляции на этой платформе колоссальных финансовых средств, преимущественно обслуживающих экономические интересы лидера блока – США.

4. Турция в альянсе: исторический опыт и «ядерный зонтик»

За всю историю своего членства в НАТО (с 1952 г.) Турция непосредственно испытала на себе как значимые положительные результаты военно-политической интеграции, так и негативный опыт пребывания в альянсе. Именно биполярность в мире (антагонизм НАТО и ОВД) способствовала вовлечению Турции в блок, который обеспечил ей возможность сформировать армию передового западного образца, добиться существенного технологического роста и встроиться под «ядерный зонтик» США и других союзников.

Мобилизация и концентрация НАТО на проблеме сдерживания советской угрозы также способствовали практически беспрепятственной проекции силы Анкары в контексте греко-турецкого соперничества в Средиземном море (турецкое вторжение на Кипр в 1974 г.), которая не была предотвращена членами альянса исходя из осознания ключевой роли Турции на антисоветском южном фланге организации. Фактически данная акция стала первым предвестником кризисного потенциала внутри НАТО, поскольку привела к затяжной фазе вялотекущей военной конфронтации между двумя государствами-членами организации (Греция была принята в НАТО в 1952 г. одновременно с Турцией).

5. Постсоветская трансформация и утрата эксклюзивности

Распад СССР способствовал заметному ослаблению роли Турции в конфигурации НАТО. Анкара утратила негласный статус единственного члена альянса, непосредственно граничащего с его основным традиционным соперником — Россией, уступив данную позицию странам бывшего Варшавского блока и прибалтийским республикам, экстренно принятым в организацию. Существенную роль в этом процессе сыграло также переформатирование светской модели и традиций кемализма, что подтолкнуло Турцию к более активной и самостоятельной политике в направлении Азии.

В совокупности, формально сохраняя полноценное членство в Североатлантическом альянсе, Турция постепенно утрачивала эксклюзивные отношения с лидером блока — США, тем самым лишаясь возможности свободного пользования программами обеспечения новейшей технологической номенклатурой американского ВПК (исключение Вашингтоном Анкары из программ перевооружения ПВО и ПРО, срыв сделки по F-35 и т. д.). Кроме того, кризисные брожения в НАТО способствовали формированию негласных альянсов внутри блока, обладающих выраженной антитурецкой направленностью (тесное военно-политическое сотрудничество Греции и Франции). В той же логике в настоящее

время формируется новый альянс в Восточном Средиземноморье между Кипром, Грецией и Израилем, формально не являющимся членом НАТО, однако в реальности пользующимся беспрецедентной и всесторонней военно-политической поддержкой Вашингтона согласно полученному в 1987 году статусу «*основного союзника США, не входящего в НАТО*» (Major Non-NATO Ally).

6. Злоупотребление статусом и «украинский фактор»

Рост системного кризиса и децентрализации в НАТО способствовал более откровенному дискурсу среди многих его членов относительно целесообразности дальнейшего пребывания Турции в составе организации. Агрессивность Анкары в Восточном Средиземноморье и на Балканах, ее политико-цивилизационное тяготение на восток и наблюдаемые тенденции реанимации османского наследия вынуждают оппонентов внутри альянса ставить под сомнение правомерность пользования Турцией предоставляемыми Североатлантическим альянсом преференциями в сфере безопасности.

Речь, в частности, идет о «ядерном зонтике», позволяющем Турции реализовывать собственные геополитические инициативы – зачастую противоречащие интересам НАТО – с позиций экстраординарной силы. Подобное использование членского статуса вызывает недовольство у ряда европейских участников альянса, считающих это откровенным злоупотреблением имиджем и военным потенциалом блока в угоду геополитическим комбинациям Анкары, сторонним общим интересам организации.

Также многие натовские страны крайне недовольны пассивным поведением Турции в контексте последних событий вокруг Украины, а также ее политикой сближения и сотрудничества с Москвой на фоне новой эскалации российско-западных отношений. В частности, Анкаре была поставлена в вину инициатива эксплуатации в собственных интересах и в интересах РФ основополагающего принципа устава НАТО о консенсусе принятия решений в блоке. Пользуясь статьей о вето, Турция длительное время блокировала переговоры и ратификацию договоров о вступлении Швеции и Финляндии в альянс. Тем самым в публичное поле был выведен дискурс о глубоком системном кризисе в НАТО, а в разгар украинской войны были заторможены мероприятия по «сдерживанию» России в Северной Европе, на Балтике и Северном полюсе.

7. Гренландская дилемма и распад системы безопасности

Однако даже с учетом существующих проблем внутри альянса и натянутых отношений со многими его членами, натовский кейс Турции до недавнего времени оставался главной опорой ее геополитической инициативности и гарантом сохранения роста оборонного потенциала. В связи с этим системный кризис в организации не может не тревожить Анкару, которой грозит дезориентация геополитических приоритетов и оборонной доктрины в случае распада Североатлантического альянса.

В частности, Анкара может оказаться лишенной «ядерного зонтика». Возможно, США в этом случае могут предложить ей эксклюзивный формат предоставления ядерной защиты, как и взаимодействие в других сферах военного сотрудничества, однако это не может компенсировать потерю институциональной системы глобальной безопасности НАТО, одним из главных потребителей которой Турция оставалась на протяжении почти семи десятилетий.

В Анкаре понимают, что анонсированную Белым домом программу экспроприации Гренландии более не следует считать безрассудной идеей эксцентричного Дональда Трампа. Скорее, речь идет о системной потребности США в абсолютном обладании стратегически важным участком суши на севере Атлантики, вытекающей из новой доктрины установления безальтернативного однополярного мира. В новой его системе Европа перестает быть основным потребителем предоставляемых Вашингтоном гарантий безопасности, а следовательно, НАТО в своем нынешнем формате утратит актуальность. Заявления Д. Трампа американским СМИ о предстоящем выборе США между Гренландией и НАТО наглядно продемонстрировали, что значимость военно-политического блока в глазах американских элит абсолютно девальвирована. И, скорее всего, дилемма Д. Трампа о выборе между сохранением блока и фактической аннексией Гренландии уже решена.

Североатлантическому альянсу грозит распад с перспективой трансформации целостной системы безопасности в локальные раздробленные союзные военно-политические образования в прежнем пространстве ответственности НАТО. Геополитически могут сформироваться англо-американский, американо-израильский, франко-германский, восточноевропейский альянсы, которые могут носить как ситуативный характер, так и претендовать на долгосрочную перспективу и расширение своих союзных границ.

8. Риски для Анкары и подготовка к худшему сценарию

Оптимистичные оценки некоторых европейских политиков и экспертов относительно возможности сохранения в целостности европейского фланга альянса без участия США не выдерживают критики ввиду многочисленных контраргументов. Более того, выход США из альянса и «гренландский кризис», по всей видимости, могут стать триггером распада Европейского союза, во многом дублирующего контуры границ НАТО в Старом Свете и обеспечивающего солидаризацию геополитических и геоэкономических интересов стран-членов организации за счет гарантий единой системы безопасности.

В случае подобной логики развития событий Турция окажется в зоне большого риска. Распад НАТО или его трансформация в те или иные форматы лишит страну возможности эффективно контролировать курдскую проблему, сдерживать дестабилизационные процессы на Ближнем Востоке и в арабском мире, а также выдерживать конкуренцию с израильским фактором в регионе. Под большим вопросом окажется реализация программы турецкого экспансионизма на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Взамен Анкара может столкнуться с критической проблемой сдерживания греко-израильского альянса, к которому геополитически могут присоединиться Франция и ряд других средиземноморских стран. Это экзистенциальные вызовы не только внешней безопасности страны, но и системе ее внутренней организации, основанной исключительно на обязательстве правящих элит перед обществом поддерживать стабильность и вернуть Турции ее былое могущество.

Следует отметить, что кризис в НАТО не застал Турцию врасплох. Очевидно, что Анкара, анализируя негативные тенденции в альянсе, готовилась к худшему для себя сценарию еще задолго до последних событий. К комплексу предупредительных мер по компенсации издержек от возможного демонтажа Североатлантического альянса

относится стимуляция расширения и технологического роста собственной промышленной базы ВПК. Турции удалось добиться ощутимых успехов в сфере военного кораблестроения, беспилотной авиации и дальнобойных ракетных систем. Страна стремилась диверсифицировать поставки отдельных видов вооружения, исходя из предположения, что может лишиться прежних цепочек обмена технологиями и взаимодействия в рамках натовских программ.

Параллельно Турция искала возможности посредством построения локальных альянсов и основания своих военных баз закрепиться в Сирии, на Южном Кавказе (Азербайджан), на североафриканском побережье (Ливия и Египет), в регионе Африканского рога (Сомали) и на Аравийском полуострове (Катар).

9. Азиатский вектор: поиск нового «ядерного щита»

Вместе с тем самым принципиальным для Анкары остается поиск альтернативы глобальной опоре, которой до настоящего времени считался Североатлантический альянс с его гарантиями ядерного прикрытия Турции. Это критически важная задача, без решения которой усилия Анкары по выстраиванию стратегической линии сдерживания по региональному периметру теряют эффект и актуальность.

Существует мнение, что создание уже анонсированного военно-политического альянса в Азии между Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном, помимо иранской повестки, связано именно с этой задачей. Предлагаемый союз формируется прежде всего исходя из необходимости стабилизации региона, потенциально уязвимого в контексте роста американо-китайской конфронтации, частью которой принято считать проблему дестабилизации в Иране.

Формирующаяся новая коалиция также необходима Исламабаду, Эр-Рияду и Анкаре с учетом наличия критических или потенциальных конфликтов с соседними странами, обладающими несоразмерной мощью (Пакистан–Индия, Саудовская Аравия–Иран, Турция–греко-израильская коалиция и, возможно, Россия). Как подметили некоторые эксперты, формирующийся блок должен имплементировать синергию финансовой состоятельности саудитов, технологического прогресса турок и пакистанского ядерного щита в самодостаточный и полноценный военно-политический полюс силы на Азиатском континенте, тем самым компенсируя каждой из сторон экзистенциальные угрозы от действий США по перестройке всей глобальной системы безопасности.

Участников нового альянса объединяет значительный комплекс совпадающих геополитических интересов, а также немаловажный для восточных традиций фактор конфессиональной идентичности их элит и основного населения (суннизм). Вместе с тем существует большой пласт разноплановых факторов, затрудняющих устойчивость и полноценность будущего союза. Среди них – географическая отдаленность друг от друга его участников, различные уровни секулярности государственных систем, диаметрально противоположные политические устройства, несхожесть взглядов по ряду вопросов региональной повестки в Азии, а также различия во взаимоотношениях с глобальными центрами силы.

Однако, несмотря на эти сложности, стороны в интенсивном режиме подготовили почву для имплементации договоренностей по военно-политическому союзу, что

свидетельствует об их опасениях утратить устойчивость стратегической безопасности в условиях глобальной перестройки сил в мире.

10. Заключение

Анкара, по всей видимости, серьезно готовится к возможному распаду НАТО и предпринимает меры страхования. Союз с Пакистаном и Саудовской Аравией на текущий момент представляет собой единственную реальную альтернативу военно-политическому блоку, пребывание в котором гарантировало Турции сохранение суверенитета и безопасности. Хотя данная альтернатива абсолютно не равнозначна Североатлантическому альянсу, однако за неимением другого выбора она приобретает экзистенциально важную значимость для страны, оказавшейся на линии тектонического разлома сложного геополитического пространства.